

ЕРМАК

ПОЭМА

* * *

Ради исправления приказного устройства, законообновления и очищения нравов сотворил Государь благоверный Царь и Великий князь всея Руси Иван Васильевич в год от Рождества Христова 1565 опричнину. И обрёл народ русский в него веру, собралось Царство Московское с силами на отпор грабителям Севера и работорговцам Юга.

Тогда выращенный при дворе Оттоманского султана Крымский хан Давлет Первый Герай, по указке Стамбула и при поддержке оружием и янычарами, от мелких набегов на Русь и Черкесию за рабами перешёл к полной войне, вознамерившись взять под себя Казань и Астрахань, дабы восстановить Золотую Орду. В году 1571 крымцы даже сожгли брошенную воеводами-предателями беззащитную Москву. Но на другое лето 25-тысячное русское войско под предводительством князей Михаила Ивановича Воротынского и Дмитрия Ивановича Хворостинина в битве при Молодах разгромило сборную 120-тысячную армию турок, крымцев и нагаев. В том сражении в полку Хворостинина отмечен был казачий атаман Василий Оленин по кличке Ермак. «Эрмак», «эрмэк» на тюркских языках значит – «одиночка», «чурающийся семейной жизни».

Сойдясь в ненавиденьи Святой Руси, Султан Стамбульский и Епископ Римский подкупами и угрозами поставили в 1574 году на престол Речи Посполитой венгра из рода изуверов-колдунов Батори. Был тот Ишван-Стефан Баторий весьма искусен в науке военной, и, получив в наём солдат из многих стран, сумел остановить русских, и за восемь лет отжал на исходные рубежи. А ещё тот Баторий, сам из лютеранства перейдя в латинство, запустил и укрепил в Польше и Литовской Руси иезуитов, лютых врагов Православия.

Под началом князя Хворостинина прослужил Ермак в опричных войсках десять лет, бился против Шведов, Поляков и Литовцев, освобождал Русь Киевскую. От князя научился он полководческому искусству. Надобно напомнить, что Дмитрий Иванович Хворостинин по своим временам был непревзойдённым военачальником. Стратег нового мышления, он задумывал сложнейшие построения и переходы для войск по ходу боя, хитроумно используя лёгкую артиллерию вкупе с передвижной крепостью – «гуляй-городом». За свою жизнь не проиграл Хворостинин ни одного сражения, даже в противостояниях с десятикратно превосходящим противником. за талант свой, храбрость и преданность Дмитрий Иванович был любим Царём, и, хоть княжеского рода, но захудалого, поднят Иоанном Васильевичем до воеводы Большого полка через опричнину, в обход родословных препон. В той-то опричнине сошёлся Хворостинин с тоже призывником первого набора, человеком святой веры и непреклонной верности Строгановым Аникой, богатейшим промышленником, прозорливо оплачивающим многие начинания Государя.

В 1563 году, вырезав род местных правителей Тайбугинов, в Сибирской столице Искере воцарился жестоковыйный Кучум, сын одного из последнего ханов Золотой Орды Муртазы, внук Ибака – повелителя Тюменской и Большой орд, потомок самого Чингисхана. Вступая на Искерский престол, Кучум подтвердил Руси ясачное подданство Сибирского ханства, но, видя завязанность Москвы в дальних войнах, скоро обнаглел и дань платить не стал. А потом и вовсе замыслил воровской союз с ногайской Большой Ордой и Казахскими

ханами для большого похода на Русское Царство. Сам бы Кучум по низким северным перевалам Урала ударил на Пермь, и далее – на Псков и Новгород, а южные орды через Башкирские степи вышли бы на Астрахань, Казань в помощь к взбунтовавшим уже черемисам.

Наследник земель и заводов Прикамья и северного Зауралья, внук почившего Аники Максим Яковлевич Строганов, хоть и был с двоюродным братом Никитой тоже вписан в опричники, но в младший набор, и не имел прямого входа к Царю. Потому с доносом о Кучуме, готовящем удар в спину Москвы, обратился он к доброму другу своего деда, воеводе Большого полка князю Хворостинину.

Случилось сие в самое начало 1582 года – шли беспрестанные многоместные бои от Псковы до Днепра, и у Хворостинина не было свободных сил. Поэтому призвал князь своего опричного сотника и казачьего атамана Ермака-Василия Оленина, и наказал тому отправляться на Яик, дабы набрать там вольных охочих людей под расчёт из ханской кучумовой казны, буде Искер у того захвачен. На Яике Ермак нанял две станицы – двести казаков атамана Брязги и триста казаков атамана Кольца, и отвёл их к Строгановым.

К тому сроку братья Строгановы выкупили из крымского плена триста немчинов – венгров, шведов, германцев и поляков – мастеров пушечного и ружейного дела. Снаряжённый отряд выступил на ладьях из Кай-городка осенью того же 1582 года. И понятно, что ни о каком завладении страной, просторами превышающей Московскую Русь, речи даже не заводилось! Задача перед столь невеликим, хоть и составленным из лучших стрелков и рукопашников отрядом стояла остро ножевая: войти-проникнуть в Сибирскую столицу и убить клятвopеступника хана Кучума, тем расстроив готовящееся вражеское объединение.

Выросший на реке Чусовой и потому хорошо знающий места, Ермак провёл тяжело нагруженные лодки с людьми, оружейным запасом и фуражом в обход торных речных путей мелководьем, по возможности прижимаясь к Уральским горам. Такой хитростью отряд пропустил мимо себя тумен в десять тысяч, вышедший на грабёж Пермской Руси. Об том нападении искерских татар с пелымскими вогулами на русские городки и сёла и наябедничал в Москву Чердымский воевода. Не посвящённый в планы Хворостинина и Строгановых, воевода требовал царской кары ермаковским казакам за набег, что, якобы, раздражил «мирных» татар.

Ермаковцы же, перезимовав скрытно, вдруг да появились весной в самом центре ханства. В несколько сражений разбили они разрозненные силы Кучума и захватили столицу Сибири Искер-Кашлык. Услышав о том, поспешила Большая орда подтвердить своё верноподданничество Москве, и башкиры уверили в вечной дружбе.

Да только не смогли казаки исполнить главной задачи – обезвредить-убить вора и зачинщика противорусских происков – хана Кучума...

Отправив в Москву самого грамотного из соратников, молодого атамана Ивана-Черкаса Александрова, Ермак выслал в казну найденный в Искере задолженный ясак соболями, бобрами и лисицами, да пленённого им татарского полководца Магомета-Кули, с известием о возвращении Божьей милостью Сибирского царства под государеву руку.

С радостью Царь Иоанн Васильевич простил покаявшихся разбойников из отряда Ермака, в первом числе – атамана Ивана-Кольцо, прежде много прегрешившего против Государя на Волге и Яике. Так же повелел Государь щедро наградить Василия Оленина со товарищи.

Но не случилось Иоанну Васильевичу увидеть укреплений своих владений на Востоке. Не завёл он острогов-крепостей по Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, не отправил за Камень ни служилых людей, ни купцов, ни попов, ни хлеборобов оживлять дальние пределы Руси.

Скончался скоропостижно и загадочно. Сын же его, Царь Феодор Иоаннович в дело не вник, и посланный, было, к казакам в помощь полутысячный отряд стрельцов, не имея должной одежды и припасов, в первую же зимовку вымер от голода и стужи.

Кучум, палимый природной злобой, всю оставшуюся жизнь свою посвятил мести. Более всего мучил его отказ в помощи родственника-шейбанида Абдаллах-хана Первого, повелителя Ташкента, Бухары и Ферганы. А дело было в том, что прознал Абдаллах-хан про англичан, что, получив от Строгановых отпор на Двине и Каме, искали корабельный проход в Обь. Предполагали де те английские купцы вывозить китайские товары в Европу по Иртышу и Оби, прокинув прежние караванные пути до Чёрного моря. Потому Абдаллах со своими советниками и порешили, что лучше отдать Сибирский юрт врагу Англии Руси, чем потерять основные свои доходы.

Гордыня язвила душу и тело бесприютного Кучума, не давая покоя ни днём, ни ночью. И через много лет, почти слепой и глухой, нищий и преследуемый теми, кого убивал в прошлом и унижал, слал Кучум ответ своим детям, давно уже служащим Белому Царю и призывающим отца к себе на упокоение старости: «Вы – князья, вот и служите. А я – Хан!».

Опираясь на дружбу и уважение настрадавшихся от южных захватчиков местных вогульских, остяцких и татарских владык, целых четыре года малочисленный отряд Ермака удерживал в законе и справедливости народы Сибирского царства. Вовремя предупреждаемые князьками-тарханами, казаки молниеносными вылазками не позволяли врагам Руси сосредоточиться, собраться. Но теряли-хоронили товарищей после каждой такой сечи или подлых засад, то и дело творимых кучумовцами, и сокращались-таяли числом, а потом лишились и своего славного предводителя...

Только при Царе Борисе Феодоровиче Годунове начала Сибирь осваиваться основательно.

* * *

МАТЕРИНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, сынок, спи, сынок,
В небе Лось-Шестиног.
Муж-Луна в зелёный бубен
Закликает ветерок.
Спи, спи, спи.
Спи, сынок.
Лебедь спит, спит Медведь,
Перестал родник звенеть.
Ночь строга,
Спит тайга.
И тебе заснуть пора.
Завтра раненько с утра
Солнце-Бабу нам встречать,
Мёдом росным угощать.
А пока всем дружно спать.

Спать, спать, спать.

Спать.

Сыночек-Василёчек мой! Спать, спать, спать...

Что ж время быстромётно так? Спать, спать, спать...

Едва засуетилась я, как люлька раскололась,
А лишь отец заторился, так ты сломал кроваточку
И в балку потолочную упёрся головой.

Сыночек-Василёчек мой! Спать, спать, спать...

Зачем ты вырос наскоро? Спать, спать, спать...

Зачем грозишь покинуть нас и отчий дом с добром?

Сыночек-Василёчек мой, остался бы малюточкой,

Ещё бы на годиночку, хотя бы на одну!

Тебе в судьбу вплетала я овсяные соломинки,

И пуповину прятала под листовный порог.

Когда сосцами вспухшими тебя я сладко сытила,

Живицу солнцесмоную всосал ты с молоком,

И землянику с мёдами, и дух цветов полуденных,

И небо в белых рябинках, и чуткой рыбы тень.

Пески земли Прикаменной в твоей крови растворены,

Течёт по жилкам чистая водица Чусовой.

Сыночек-Василёчек мой! Спать, спать, спать...

Гусёнок-лебедёночек... Неужто всё напраслина?

Кукушка просчиталась ли, глухарь ночей не счёл –

Едва-то отвернулась я, отец чуток рассеялся,

Как оборвал ты вязочки и вышел за межу.

Куда, красавец-умница? Куда, силач-поленица?

Куда походкой лёгкою, в какие казаки?

Сыночек-Василёчек мой! Не уходи в то марево!

Не уходи в невиданность, в неслыханность, к чужим.

Ну как же я покрою там гусёнка-лебедёночка,

Тебя, мою малюточку, обороню от бед?

Как я, уж слабосильная, рассею тучи чёрные,

Как я, уже негромкая, до тех краёв мороженных

Сумею, сноровлюся как, в ту ночку докричать:

«Сыночек-Василёчек мой! Не спать! Не спать! Не спать!!

Кромешно воры близятся! Не спать! Не спать!!

Убийцы скрытно тянутся, сыночек-Василёчек мой,

И речка бурно крутится – не надо спать!!»

Сыночек-Василёчек мой...

В небе Лось-Шестиног –

Ты не спи, не спи, сынок!

Муж-Луна в зелёный бубен закликает ветерок...

Ты не спи! Не спи, сынок!

Ночь строга, спит тайга...

Не слышать шагов врага –

Ты – не спи!!

ЦАРЬ ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

Всемогущия святых
и живоначальных Троицы,
Отца и Сына и Святаго Духа
во единстве покланяемого, истинного Бога нашего
милостию сподоблены мы, смиренный Иван Васильевич,
нести крестоносную хоругвь Православия на Российском царствии
и во иные многие царства-государствах, великих же и малых княжествах.

Обручил Господь юнца со державою...
Поручил дитя тяжким скифетром.
Отрок сел на стол с вещим сирином.
В малолетие сиротливое,
В худотелие немощливое.
Посредь алчных псов, лихоимщиков,
Свар и смут мятежных зачинщиков,
Меж воров-бояр, меж помещников
Агнец кроткий встал против резников.
Обручил Господь юнца со державою –
Поднял скорби я вкупь со славою.

Мне ль не знать, каково оно сиротствовать...
Иль напомнить об одинокости?
Но не бросил Данила в кротости
И не кинул Ивана в слабости,
Господи, по Твоей всё благодати!
В прозорливое назидание –
Не искать греху оправдание.
Не искать от добра барышности
Не топить свой страх в льстецкой пышности.
Мне ль не знать, каково оно сиротствовать?
Через то научен господствовать.

Милостью, Господи, твоею милостью!
И не похотью, а породю
Ставлен я царём, воеводою,
Ставлен судией и учителем,
И указником, и смягчителем.
Ставлен я Тобой, Господи,
Житием своим творить проповеди.
Быть отцом для всех равнолюбящим,
Нетерпимо злотворцов рубящим.
Милостью, Господи, твоею милостью...
Кровоточною изъязвимостью...

Грозный Ангеле!
Возвести ми конец мой,
да покаюся злых своих дел горько,
да отрину от себе всякое бремя греховное.

Страшный Ангеле, не устраши мене маломощнаго.
Даруй ми, Ангеле, свое пришествие и напои мя чашею спасения.
Да весело потеку во след твой с молением – не остави мене сира.

Черни ли ведать воленье Господнее...
Не земным рядить, кем мы прожили –
Сердце царское в длани Божией.
Слышу в вышних я воструб голоса –
Не спадёт с моей главы волоса,
Не ужалит ад моей пятицы.
На Литве иуде не спрятаться,
Христогонам смерть всюду лютая,
По грехам людей земля рудая.
Черни ли ведать воленье Господнее?
Зреть ли кому вериги исподние?

Русь моя, дочь моя, и славутница...
Царь тебе миропомазанный –
Оберегщик и страж заказанный,
Страж недрёманный добродетелей,
Душехранник сквозь лихолетия.
Чистотой твоей век заботиться –
На Суде с меня страшно спросится.
Власть моя что клеть золочёная:
Русь – невеста Христу речённая.
Русь моя, дочь моя, и славутница,
Выжгу я в тебе беспопутницу...

Выжгу-вырублю, до костей псом выгрызу...
Жезлом выбью дурь, палом выкурю,
По грехам вложу в клещи мытарю.
Как парша ползёт рать бесовская –
Ересь папская да жидовская.
Кто, как Царь миропомазанный,
Исцелитель на то посаженный,
Остановит смерть встречной смертию,
Осечёт соблазн твёрдосердием?
Выжгу-вырублю, до костей псом выгрызу...
Русь до святости саблей выскоблю.

Тело мое
изнемогло,
и дух болезнует.
Струпы душевные и телесные умножились,
и нет врача на земле, что б нашёл исцеление для меня.
Ждал я, кто со мной воскорбит, но нет никого. И утешителей не сыскал я.
Так воздали люди мне злом за добро, за любовь же непримиримой ненавистию.

Царь игуменом стал за землю Русскую...
Да не *ис пола эти, деспота!*

«Исполать» ваша лживо мерзкая:
Настоятели погрязли в вотчинах,
Пересуды заушно склочные.
Иноки аль ростовщичники –
Кто толкнул Ивана в опричники?
Свёл задруг святою порукою
Что б молитву творить сугубую?
Царь игуменом стал за землю Русскую
И пошёл с помелом, псов уськая.

Милостью, Господи, твоею милостью
Новая почалась история:
Преклонились Казань с Ливонией,
Астра-хань с Мордвой, с Черемисами
Понесли ясак – меха с ризами,
То Руси ко свадьбе приданное
Ей к очелью подвеска славная.
Глянь, Жених-Христос, как с лампадою
Ждёт невеста Тебя, честью радуя!
Милостью, Господи, твоею милостью
Воссияла Русь сквозь тьму истиной.

Ополчилась тьма на Царя Московского...
На единственно Православного.
И султан, и папа тщеславные
На Россию зевы разинули,
С двух краёв своих рати двинули.
Двадцать лет уж война-побоище
Обращает мир в пепел и гноище.
Шведы, крымцы, литва с ногаями,
Мои земли людом истаяли.
Ополчилась тьма на Царя Московского...
Ангел выжег сердце отцовское...

Тело моё
изнемогло,
и дух болезнует...
Страшный Ангеле, не устраши мене маломощнаго...
нести крестоносную хоругвь Православия на Российском царствии...

ХАН ДАВЛЕТ I ГЕРАЙ

Орду вёл из Крыма – сто двадцать тысяч! Крымцев, ногаев, осман, янычар...
Сто тысяч убиты, в урусах забыты... В джана-душе зацвёл анчар.

Ночами знаком беды восходила, горем грозилась звезда Кейван.
Под Молодью головы в пыль обронили мои Хаспулат и Шардан.

Я слышу стоны своих пехлеванов – зачем не умер тогда я сам?

Сынов своих вижу смертные муки... Меня, Джабраил, зачем спасал?!

Батыры Орды слегли вдоль Пахры ... Горы мёртвых вовек не убрать.
Кефе не видеть рабов-кафиров, рабынь-христианок Стамбулу не знать.

Над горькой полынью призыв на молитву, звучит одинокий азан.
Не скоро родятся в аулах галибы, что б вновь полонять москвитян.

Орду вёл из Крыма – сто двадцать тысяч... Сто тысяч слегли без могил...
Сто тысяч ногаев, османов и крымцев Кейвану в урок заплатил.

ИСТВАН БАТОРИ – КРОЛЬ СТЕФАН

Gloria dare petram! –
Участи слава!

Посмевающая принять порфирный
Константинополя черёд
И своенравно весть свой род,
Не внемля «Городу и Миру»,

Наследничеством византизма
Московия обречена –
Infernum tuleris, страна
Лукавой тьмы и фанатизма!

Века борьбы, века тиснений,
Века бескомпромиссных битв.
Вражды, проклятий и молитв,
Торгов, интриг, отрав, растлений...

Но вот свелись и срок и место –
Захлопнут ортодоксов мир
Внутри ятаганов и секир
Последним отступом над бездной.

И срок и место без сомнений:
Зажат гяур и еретик
В кругу разгневанных владык
Орд, султанатов и империй.

Стокгольм и Прага ... Лютер, друзья ...
Шираз и Рим, Сарай и Гданьск ...
Социст и суфий, францисканск –
Все, все сошлись в одном союзе,

В желанье гибели России.
В решимости стереть с земли
Её погосты и кремли,

Её ученье о Мессии.

Right: aethiops non albescit –
Нет, эфиоп не отбелит.
Славянством status не вместим,
Медведя папа не окрестит.

Iumenta rex, domin servorum!
Скотов владыка, царь рабов, –
России свалкой быть гробов,
Тебе прослыть кровавым вором!

Боец и маг – того не зная –
Из рода древних колдунов,
Я избран среди Шомье сынов
Синклитом истинных хозяев.

Рождением венгр и лютеранин,
Османской силой Польши Кроль,
Я – сублиматор тайных воль:
Я – сын Imperium Romanum

И сателлит Magna Soldanus...
Из Трансильвании щелей
Меня ввели в ранг королей,
Что б яды все сочатовались.

Лишён наследников, и права
Прокладывать свою судьбу,
Я принял ордер на борьбу
С московской дерзкою державой.

Предназначение моё –
Сжить православную вселенскость –
Потомков Рюрика надменность
Закончит мною бытиё.

Во мне все ненависти слиты.
Все ярости, что до тоски,
Змеиной вязкою в тиски,
В клубок вокруг души завиты.

Всего лишь слово бесит – «русский».
Только звучанье – «московит».
От них мне горло леденит,
И ворот делается узким.

ОЛЕНИН ЕРМАК-ВАСИЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ

Родина... Радость... Родник. Сенокосы...
Родина снегом по грудь и до крыш...
Майские ветры, ливнёвые косы.
Неба ночного краплёный черныш...
Сказки с лежанки такие густые
Тянутся, тянутся, сладко сопят.
Люди лесные и звери святые
Любят и люлят сопрелых ребят.
Всполохи тихо под печью рябят.

«Кровь наша с века свободолобива» –
Прадед и дед из кукушкиных гнёзд. –
«Доля ж бродяг не особь прозорлива,
Слишком подвластна вычурам звёзд».
Где оно, счастье? В каком государстве,
В княжестве или станице какой...
В чём оно, сладкое, – в барстве? в бунтарстве? –
С памятью выжженной да воровской
Прадед истаял теснимый тоской.

Дед не нажил ни сохи, ни толкуши –
Лишь старобылки да байки в углу.
Так что, исклёван жар-птицами в душу,
Батя невесту привёл из вогул.
С битвой, с погоней дочь Куучая
Выкрал бийкему аж с Конды-реки.
Днями Аима упорно молчала,
В полночь чуть слышно под бубен пурги,
Голосом робким себе напевала.

Пела Аима о братьях-медведях,
О шестиноге-лосе средь планет...
Куклу слепую согрев на коленях,
Пела жежёнка в четырнадцать лет.
А через год те же самые песни
Русскому сыну баюнила мать:
«Тётушка-солнце кочует вдоль бездны...
Утром встречать, да росой угощать...
Всем же пока засыпать. Засыпать»...

Где падёт доля туме-полукровке?
Мать из кочевий, бродяга отец...
Спуда нет в доме по силе-сноровке –
Первый в походах пластун и гребец!
Вешний восторг ледяные заторы
Брал наводнением, взметая лузгу, –
Бегали юркой ватажкой за горы,
В тайны Югры, в ведовскую тайгу
Чудо влекло под цветную дугу.

Родина... Радость. Захлёбная сила,
Что возносила стрижом в облака,
За погорелье малиной манила,
Август ловила на нить паука...
Отроки полднем острожили щучек.
Листьев шершавный последок кружил.
Капли шиповника между колючек.
В черни узорочья водрослей-жил
Глыбой зелёной налим-старожил...

«...Издавеча-далёва, из-за гор-гребней, по-нда чисту полюшку
Пролегала поршёная дороженька, таборами-обозами торная.
Что никто по той дороженьке дондеже не прохаживался,
Никто следочку живого по широкой поныне не прокладывал.
Только шли-прошли казаки с моря синего, со лихою своею добычею...»

Как уманили, на чём подвертели,
Сказкой-арканом какой увели
Вольные люди казацкой артели
Яицкой дикой и гордой земли?..
Сабля, шишак, епанча и топорик,
Ладанка Божья, чеснок-чертогон –
Ладный сердюк встал – и ловок, и боек,
Учится сходу и держит закон.
Братство такими растёт испокон.

«...Не былиночка-то в диком поле одинокая шатается –
Молодец казаченька во поле том гуляет-потешается,
В одной тоненькой на плечах холстяной рубашечке.
У рубашечки той рукавички-то наверх подзасучены,
Алой кровью бусурманской позабрызганы...»

Струги под парусом, струги на греблях –
Волга до Каспия, Дон в Аузак –
Лёгким проходом по степям и в дебрях –
К персам и в Крым по кровавый ясак.
Лето за летом – жестокие сшибки,
Год через год – чья-то гибель иль плен.
Кабы был алчен, да жлобен не шибко,
Пивом-вином и гульбой не растлен.
Лета да годы – война без измен.

«...По степи, степи, по Яик-реке, возмогался добрый молодец,
Он друзьям казакам так наказывал: "Вы, друзья мои, все товарищи,
Старопрежние, вы, приятели! Понесет вас Бог на Святую Русь,
На Святую Русь, в нашу сторону – отнесите отцу с моей матерью
Разнизкой мой поклон до сырой земли"...»

Сходит ухарство, вступает смущенье.

В каждой могиле товарища мга...
Разве на то было благословенье –
С дома бежать догонять облака?
Виданы страны и слыханы песни
Разных языков и многих родов.
Степи и горы, сады, чернолесье –
Судеб без счёта, без чести следов...
Что же в мошне пролетевших годов?..

«...Как на Волге, на реке, да на Камышинке казаки, братцы, живут, люди вольные,
Все донские, гребенские со яицкими: "Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!
Да уж крепку думушку заедино подумайте: как проходит у нас лето теплое,
Наступает, братцы, зима холодная; куда, братцы, мы зимовать возьмем?"...»

Вызнаны тонкости все ратоборства:
Выжить – убить – изнурить – полонить.
Выверен вес озорства и упорства,
Силы в завидок... Да что впереди?
Нет, не изменник, не клятвопреступник!
Просто не то всё, всё просто не так.
Слишком ли правый, излишне ли умник –
Тяготно стало средь вольных ватаг.
Кличка права – одиночка-эрмак.

«...Не былиночка-то в диком поле одинокая шатается –
Молодец казаченька во поле том гуляет-потешается...
В одной тоненькой на плечах холстяной рубашечке...»

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ХВОРОСТИНИН

Мы по роду Ярославичи, триста лет слуги московские,
но не знатностью, не золотом, имениты больше верностью,
честью княжеской непятнанной,
правдолюбием
да прямостью.

Отцы-прапрадеды, порода Хворостины –
соколий верхогляд с кабаньей щетиной...
Что видел я? чему обучен? что умею?
Вести войска на сечь в Степи, на брань у Свеи,
броски, походы в неисчётность вёрст –
о три коня или пёшком. Да артиллерий
обозный, вечно отстающий хвост.

Не во отчины наследные, ни для местного кормления
лили кровь свою родители на четыре вражьи стороны,
положили животы отцы
под Руси оплот,

в бессмертие.

Война в преемствие... Оковы иль призванье? –
Отцовый панцирь да тесак в образовании...
И да, и нет... «Да» – смерти насмотрелся до икоты.
«Нет» – не для хвальбы иль хабары-щедроты.
Война моя – вериги, жадный пост,
она – сердечное стремление в высоты
на коих мир бесстрастен как погост.

Чтоб стоять Руси перед Господом, распевать псалмы и акафисты,
Вертограду-Ирию вратарницею, Свету-Фавору глашатайницей –
нами держится
Православие.

В шатре и у костра, в начале, на исходе,
война – юродская молитва о народе,
без ладана, без сладких слов, звериным стоном
молитва о земле, задуманном, свершённом,
о градах, о воздухах на заре,
о милости, плодоношении, о законном
и право нами правящем Царе.

Мы по роду Ярославичи, но не знатностью, не золотом,
имениты больше верностью. Не во отчины наследные
положили животы отцы –
нами держится
Православие.

- Ермак,
уж десять лет со дня,
когда от своеволия станиц
пришёл на службу ты, встав под моей хоругвью.
Лихач-рубака смелый, лишне безоглядный,
ты рос и вырос в сотники с наукой побеждать.
Настырный выучень, глазастый и упорный,
тебе не вижу ровни я среди слуг и подначалий.
А, велие, ты знаешь цель своей судьбины,
своё призванье в жарком Божьем мире,
свою прямую суть – и духом, и оружием
хранить отечество,
народ и веру.

- Ермак,
рождённый в простоте,
я вознесён был
Царём в опричнине не по ночным услугам,
а по заслугам – при Молодях тех славных,
в гуляе-городе с тобой стояли рядом мы,
и выстояли – это нам Давлет-Герай поганый

сполна ответил за сожжённую преждо Москву.
За вопли полонян, за русла русской крови,
за токи слёз поруганных вдов и сироток –
мы крымчаками унавозили
просторы наши.

- Ермак,
В ночи победной,
посредь бесщётных трупов,
под алчный лай лисиц и вой волков с залесья,
сгрудившись у огней, служила литию дружина
по тем, кому пристало в срок к Архистратигу
вот так, с мечом в руке, взойти в Небесный Полк
к святым Борису, Глебу, князю Александру...
Ночь летняя боска, и до зари с тобой мы
всё толковали о долгах и воле, о страсти
и крестоношеньи –
о человеке перед Богом.

- Ермак,
мы говорили о спасении души,
о чудном устроеньи мира и Голгофе...
Про славу и позор, про жизнь по смерти...
Заутре предстояло нагонять и бить нещадно,
гнать клятое отродье в степь, в сушь, ад, безводье,
костьями их им запрещаю путь назад.
Лишь солнце заготовилось, едва надулось –
рожки и барабаны воззвали!
Ермак, тогда поклялся мне ...
ты помнишь в чём?

Не во отчины наследные –
а чтоб стоять Руси пред Господом, распевать псалмы и акафисты,
Вертограду-Ирию вратарницею, Свету-Фавору глашатайницей –
нами держится
Православие.

- Ермак,
прислал опричный общник мой
мне грамоту с булгой-доносом из-за Камня:
Семь лет для Белого Царя ясак не славши,
мошной набухший деспот Сибирский Кучум-хан
затеял воровство – сей супостат срядился
с ногайскою Большой Ордой на Русь ударить.
Сам он по северу пойдёт на Пермь, затем ко Пскову,
Урус же Бий – через Казань – на помощь черемисам
бунтующим. Такое ноне
«слово и дело государево»...

- Ермак,

Я не слугу, но
выуча-сборника прошу...
Связал Баторий-кроль разноязыким сбродом
Нам силы, что и так скудны: за двадцать лет всех войн –
казанских, астраханских, крымских, свейских,
ливонских – Россия обмелела, выскреблась мужами.
И кем закрыться от ножей, что в спину ныне метят?!
Ермак, ты ж родом с Чусовой, и ты казаковал...
Лети на Яик, посвищи посреде ватажек
Вольных охотников в набег лазутный на Сибирь.
Сверстай станицу казаков, сведи к себе в отчизну.
Ермак!
– пойд
– найди
– убей Кучума.

МАКСИМ ЯКОВЛЕВИЧ СТРОГАНОВ

Как по-над речкой быстрою лежала хворостиночка,
И был тот мостик узенький, а речка зло бурлящая,
Не каждому пройти.
Опричнина – чистилище, Святой Руси предтечие,
И больно та опричнина – узко ушко игольное
Для нити холстяной.

Велик и грозен целями, высок и страшен в замыслах
Царь Иоанн Васильевич, отец Самодержавия,
Ему лишь Бог судья.
А мы холопы костные, слепые побегушники,
Глухие побирушники, ему разве помощники?
Разве на что оплот?

Ленным своим умишечком за ним разве потянемся?
Мы ж нового пугаемся, по старое ругаемся,
Приспавши на печи.
Зачем вот я, беззямотный, за Пермский край засаженный,
Стараньем деда нашего, Аники сына Федьина,
В опричнину введён?

Вокруг князья великие – от Мономаха веточки,
Из самокорня Рюрика – Плещеевы и Бельские,
А между ними – смерд!
Но так-то сердце царское прозрело суть глубинную,
Проникло в душу, мудрое, и деда веру чистую
Разведало оно.

А дед в ответ старался-то, труждался да мытарился,
И всякою копеечкой влагался в дело общее,
В святую Нову Русь.

И споро дело выросло, как дуб в пору весеннюю –
Была Москва в Монголии улусом заукраинным,
А стала – Цареград.

Да только дело светлое, божливое и чистое
Людьми растёт и крепится – божливыми и чистыми,
И где таких-то взять?
Как Грозный Царь ни строжился постами и молебнами,
Как братию не сдерживал от мзды и сластолюбия,
Измен не избежал.

То горе наше горькое: казнил воров иль миловал,
Всё повторялось сызнава – боялись, но не каялись
Всё новые лгуны.
Рубили кому головы, на дыбе плетью дрючили –
Как будто плеть по обуху! Не изменялся нравами
Злокозненный народ.

Опричина не сладилась, свелась греховной ревностью...
А там не стало дедушки – восшел Аника к Господу,
Оставил бранный мир.

И –
Христе Боже наш!
Погуби Крестом Твоим борющиеся нас,
да уразумеют,
како может православная вера!

Гроза всё ближе тужится,
расгаркались чернь-вороны.
Пелымцы обнаглевшие
на Соли Вычегодские
проторили ходы.
За ними и татарове,
Кучюмом-ханом посланы,
пожечь-пограбить русские
остроги с городишками
всё чаще нороят.

Сплошное разорение:
на копиях нерадение,
земля опять язычится,
а русские волнуются,
в побеги нороят.
Неужто дело дедово,
отцовое да дядьево,
на мне, невразумительном,
развалится-порушится,
погубится врагом?

Ведь самое тревожное –
Кучном с Урюсом снюхались,
зубами яро клацают,
когтями злобно чёркают,
двугорлием рычат.
О том не ворон выведал,
не ветры тучегонные –
из Тайбугинов беженец,
племяшка Ядигеровый
донёс дурную весть.

Вот жив когда был дедушка –
Скуратова ль, Басманова
попользовал б доверие,
чрез них без промедления
заполучив стрельцов.
А я невежа мелкая,
мне ль до Москвы с доносами?
Ведь «слово-дело» лютое,
каб дыбы не испробовать,
под плети не попасть...

Из побратимов-первенцев,
опричнины начальников,
Анику дружбой помнящий,
в молитвах поминающий
остался Хворостин.
Победой за победою
поднялся князь заоблочно,
Но духа простосердия
и слуха христианского
на том не утеряти.

«Челом бьёт князю Дмитрию Ивановичу светлому
худой Максимка Строганов, Аники присной памяти
осиротельный внук.
К тебе военачальному пишу тревогу-ябеду.
Послушай худоумного, прислушайся и смилуйся –
беда грядет, беда...

Из полона турецкого я триста немцев выкупил:
венгерцы, ляхи с фряжями. Умельцы наилучшие –
пищальцы-пушкарники.
Да дело половинное – нужны и рукопашники,
и пластовы лазутчики, но самое-то главное –
надёжный голова».

Беда грядет,
беда...

МУХАММЕД-КУЛИ СУЛТАН

Ай-ай!
Эрмак – смелый кан,
Казак-атаман,
Противник-дошман –
Победитель мой.
Не вернусь я домой...
Ай-ай! Эрмак – очень сильный мой враг.
Господин Судного дня велит, и да будет так.

Ай-ай! Юрт Себер –
Взял ловко себе
Всю Сибирь в удел.
Тоткын лыкт буллу –
Я у него в плену...
Ай-ай! Эрмак – очень ловкий мой враг.
Господин Судного дня велит, и да будет так.

Ай-ай!
Пять лет я дяде служил.
Свой тумен я в бой водил.
И Шубар, и Кыныр,
И Тура, и Есет
Помнят мой конный след.
Ай-ай! Эрмак – очень грозный мой враг.
Господин Судного дня велит, и да будет так.

Ай-ай!
Но, не унижен булат –
Казаками как брат
Без обиды я взят.
И к Царю отведён,
К Белому на поклон.
Намуслы Эрмак – благороден мой враг.
Господин Судного дня велит, и да будет так.

Ай-ай!
Саблю-калыч дарю
Я Белому Царю,
О нём дуа творю.
Ему верен во всём,
И Россия – мой дом.
Ай-ай! Отныне я – урус-баскак.
Господин Судного дня велит, и да будет так.

Ай-ай! Признаю, Эрмак-абый,
Ты великий батыр-богатырь!
Одного не пойму я никак:

Что за сила с тобою, Эрмак?
Твои воины ук-стрел быстрее –
Будто шесть они ног имели,
Будто восемь рук вверх взлетали –
Саблями десятерых пронзали.
Как копьё в траву-камыш легко,
Бил отряд твой в тумен глубоко.
Сотни срезали моих улан,
Не имея и малости ран.
Я в душе восхищаюсь тобой.
Беек Эрмак, враг мой и друг мой.
Эрмак – женуче-победитель,
Моей гордости усмиритель –
Господин Судного дня велит, и да будет так.
Но что за сила в тебе, Эрмак?
Хитрость в чём, мой друг?
И мой враг.

КОЛЬЦО-ИВАН ЮРЬЕВ

Чёрный ворон.
Вольный Яик.
Зажурились казаки –
Ветры волны нагоняют,
Плещут на берег реки.
Травы свищут,
В кудри свиты,
Ворон озирает луг.
От дождя шатром укрыты,
Казаки собрали круг.

Что ты, ворон,
Там увидел?
Что далече увидал?
Кости белые покрыли
Кыпчаковый глиновал.
Плыли смело,
Шли на море,
Брали турок и крымчан.
То-то трепет, то-то горе,
Ожигали бусурман!

Эх, рубили
Выи бекам,
Мурз вздымали на копьё!
Только вольная потеха
Возратилася огнём.
Хабар в прежнем,
Брашно в прошлом –

Нонче нам беда с весла:
Потопили ненарошно
Чёлн ногайского посла.

Чёрный ворон...
Вольный Яик...
В казаках тоска не зря:
Легкомыслием назвали
Ярость Грозного Царя.
Ближе, ближе
К нам подводит
Воевода полк стрельцов –
Площадь тыном огородят
С головами молодцов.
Вольный Яик...
Чёрный ворон...

А тут входит в шатёр, встаёт на носочки
Посреди круга стариков эрмак-одиночка
Наш былой товарищ, наш потерянный,
Яик кинувший давним временем.
Поклонился низко Ермак шапкой собольей,
Обмахнул с усов, с бороды пыль-осолие.
Выждал гомон-шум, крики крепкие
И завёл он речи, словом меткие:
«Уж пора-пора вам, казаки, по уму зажить,
Уж пора-то вам, братовья, с головой дружить.
Полно вам безвременно гулять-ватажничать,
Полно вам разбойничать, да пить-бражничать.

Пора, казаки,
С головой дружить –
Царю-Родине служить,
Нашу веру Православную
Исповедовать».

Загалдели атаманы, а всех азартнее
Барбоша Богдан развёл крики базарные:
«Мы тут жили, ума в займы не просили.
Кто таков будет пришлый Ярмак-Василий?
Уж не он ли бросил своих сотоварищей,
А вернулся вдруг, да сучью службу хвалящий?
Мы же казаки вольные, волки своей сутью,
Царю не кланяемся, и бояре нам не судьи».

Да на Ермака-то не рычать, не порькивать
Никому не надобно – и килы не выгадать.
Отвечает-то Ермак Барбашу спокойно:
«Хорошо жить тебе, Богдан, своевольно.
Идешь-плывешь себе, когда куда захочется,

Боль чужая в тебе стыдом не ворочается.
Промышляешь, ты, Богдан, как волк, лёгким боем,
Щедро платишь в кабаках срамницам с разбоя.

Я же десять годов ратовал – «служил собакою»,
Бил ордынцев я с литвой, громил свеев с ляхами.
Тыщи-тьмы из полона вернул я народа,
Сиротин-христиан защитил от извода.
Цепным псом служба Руси, с холодом да голодом,
Не разжился от служения того золотом.
Обращаюсь ныне к вам, казакам православным –
Кланяюсь вам делом, делом смертным, но славным:

Пора, казаки,
За народ вам встать-постоять,
За Русь-Мать пострадать
От Царя себе прощение
Выслужить».

Вольный Яик...
Чёрный ворон...
Ближе, ближе полк стрельцов...

«Брат ты наш, Ермак, да Василий Тимофеевич,
Остудись, отвернись волков, не о тех ныне речь» –
Встал на ответ атаман Кольцо-Иван Юрьев. –
«Всюду есть удалыцы – мощны, да мозги курьи.
Мы ж в поход за тобой пойдём всею станицею,
На сие вот те Крест Святой перед божницею.
Выведи, Ермак, нас изо лжи тропой узкой,
Повинимся мы Царю душой нашей русской».

Вольный Яик...
Чёрный ворон...

ЕРМАК-ВАСИЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ОЛЕНИН

Матушкин холмик, могилка отцова...
Вечная память, и пухом земля...
Родина встретила скупо-сурово,
Жухлыми листьями лужи стеля.
Родина встретила статью чужою,
Строем-строеныем в незнаемый лад.
Словно обижена за нежилое,
За несложённое в давний расклад –
Спрятала долу скучающий взгляд.

А вспоминалась цветными камнями

Посредь еловых зазубренных стрел,
Рясной рябиной над ильменями,
Синью небесной в рябящий пробел...
Помнилась, снилась парной Чусовою,
Стадом вечерним надменных коров,
Дедовских баек живой бичевою...
Духом внесённых мороженных дров...
Пасха... Купала... Илья и Покров...

Верно ль – что было, тому не вернуться?
Нужно поправить родные кресты...
Матушка, милая, дай мне уткнуться
В сухость ладошек твоих сквозь кусты!
Сквозь корневища и глины навалы...
Матушка, милая, слышишь ли там?
Сын твой с повинной, как ты призывала,
Через нуды и труды маетам...
Лист материнки приткнулся к губам.

«И нашли они пещеру камену, да, на высокой горе, да, у Чусовой реки, у Чусовой реки.
И зашли они наверх тоя горы, да, на висячий большой камень, да, тоя горы.
Опускались в ту пещеру казаки, да, много-мало, восемь сотен человек, да, казаки.
Хорошо им было, любо зиму зимовати, да, тут у Чусовой реки, у Чусовой реки.
Много-мало, да, восемь сотен человек, да, опускались в ту пещеру казаки...»

Царствий Абдоры с Кондорским просторы
От Океана метутся пургой.
Речек петлистых чудные узоры
Снежьем забиты, замыты сулой.
Стужа и ветры, завойное небо –
День или ночь – не всегда разберёшь.
Здесь, за Гребнями, погоды свирепо,
Вьюжит без меры – кутёж и скулёж.
Здесь, за Гребнями, упор да терпёж.

Лютень рвёт-режется настом до крови,
Слёзы метель леденит на глазах.
Ночью в расщелинах стоны и вои,
Только молитвой смиряется страх.
Держатся волею вольные люди –
Дух казака неуступчивей скал:
От Рождества беспределятся вьюги,
В месяц дичины никто не сыскал.
Голода блазится лютый оскал...

Господи Боже, помилуй нас грешных,
Коли за правое дело стоим –
Даруй соборностью, сладом утеши,
Не покидай нас дыханьем Своим.
Господи Боже, мы малое стадо,

Бремя ж великое возложено.
Веруем: лишь под небесной заградой
Всё прорастёт, что Тобой саждено.
Сеятель – Ты, мы – слепое зерно.

Вопли в расщелинах, стоны и плачи.
Люди же держатся – милостив Бог! –
Лихом теснима пестрина казачья
Духом куётся в булатный клинок.
Ладится в крепкость терпением тайны,
Скрывьем от вражьих пронырливых свор...
Вьюги метут и мягутся бескрайне –
Стан не разыщет татарский дозор.
Здесь, за Гребнями, терпёж да упор.

Главный упор для казачьей твердыни –
«Каждый за всех, и по каждому все»:
Тёзки-Иваны – Кольцо да Дурыня,
Шунин с Грозою... К ним Галкин Алексей.
Черкас Александров с Паном Никитой,
Иов Вышата, Григорий Ясырь...
Яшка Михайлов с Афонеею Китой,
Брызга Богдан и Савватий Болдырь.
Да Мещеряк, да Матьяш Угренин...

Любы-бесценны товарищи-братья,
Каждому вверишь и жизнь и гамзу.
Все на походе без слов на подхвате,
Каждый без прений пойдёт под грозу.
Каждый за каждого вывернет душу,
Выдернет с корнем любого врага:
Бой рукопашный или с оружием –
Нет в поле равного для казака.
Только вот стужа, да голод-цинга.

«Как прошла зима та холодная, да настала весна красная, жилки речные открылись.
То пора бы, братцы, нам собираться, собираться, да во поход, во дальний нам пора.
Уж вы делайте-ка, братцы, лодочки-коломенки, накладайте на их вы весельца сосновые.
Поплывём мы, братцы, с Божьей помочью, доберемся мы до царства, до того закаменного,
Повоюем мы то царство, то Сибирское, а царя Кучума поганого лютой смерти предадим».

Родина... Радость... Родник. Сенокосы...
Родина снегом по грудь и до крыш...
Майские ветры, ливнёвые косы.
Неба ночного краплёный черныш...
Помнилась, снилась парной Чусовою,
Стадом вечерним надменных коров,
Дедовских баек живой бичевою...
Духом внесённых мороженных дров...
Пасха... Купала...

Илья...
и Покров...

ВИЗИРЬ КАРАЧА-БЕК

Век мой, заман, – шайтан немой.
От него я бегу нагой.
Загоняет меня злой век –
Но хитёр и спутан мой бег.
Только как не иметь угла?
Жизнь в Искер меня загнала.
Десять лет Кучуму служа,
Не имел вполне платежа.
Шаш етектен – сыто ждать день,
Когда сам себе стану бей.

Атласная шуба – разве это мне честь?
Аргамак – разве это по мне награда?
Я научил всех чёрных людей перечечь,
Я научил тарханов исламом привлечь –
Я создал Кучуму Орду – что мне надо?
Ал, не голая кость для падашь-арата.

Пусть меньший из великанов,
Я – казах из рода Найманов.
Мои предки не сдали Тараза –
Их память крепче алмаза.
Шейбаниду ли мне служить?
Но как-то же надо всем жить...
Я готов уйти к Эрмаку,
Если он наградит слугу.
Если он настоящий хан:
Злой и сильный, и правит сам.

Как понять – Эрмак зачем в Сабер пришёл к нам?
Как узнать – почему воинов мало с ним?
Зимой прятался, весной Кули пропускал,
За спиной того Искер-столицу занял:
Не столь силён, как хитёр – с лисою сравним.
Эры-сэры, так ли Эрмак непобедим?

Иэ, Кучум-хан жаден со мной,
Но щедр ли хозяин иной?
Ястреб слаб, но сокол-то где?
Белый Царь – письмо на воде.
Русов мало, год не прожить.
Ерте-рано с ними дружить.
Загоняет мой век меня –
Смутно всё, повсюду резня.

Пока с ханом я остаюсь,
Время скажет – на что здесь Русь?

Не по чести казаху моголам служить...
Я Кучуму создал Орду, что в ответ поимел?..
Юсак бакшиш – сыновьям один день прожить.
Разузнать бы, что Эрмак может мне предложить?
Дуние кезек – судьба то уголь, то мел.
На Русь бежать, кто подскажет, что б я успел?

Сатылу-сбегу к Эрмаку,
Если он одарит слугу...
Ястреб слаб, но сокол-то где?
Белый Царь – письмо на воде.

ЮГРА, ДОЧЬ КАНТЫХ-КАНА БАЯРА

Предивный белый русский князь... Нёйи руть-кан...
Летел ли ты на облаке?.. Эрмак руть-кан...
Несли ли тебя лебеди, над речками туманными,
Над горками лесистыми несли на крыльях розовых
До чёрного Тангат-Эртиш, в безмилостный Искер?

Не мне, хантых-девчоночке... Эрмак руть-кан...
Лесной дичке застенчивой... Эрмак руть-кан...
Твоё сердце презоркое, твоё сердце пречуткое,
Всё в мире повидавшее и всё в себя вместившее,
Безвестное познавшее, учить счастливым быть.

Но расскажу, поведаю... Эрмак руть-кан...
Тебе я песней выведу... Эрмак руть-кан...
Таёжной песней-вышивкой, словами красноцветными
По мягкой шкурке беличьей узорами небесными,
Узорами подземными как тропкой проведу.

На полуночь, где родина, где отчие владения
Тайга наша бессонная полна зверьём и духами,
В ней жизнь, что сетка ловчая, настолько перевязана,
Что лишь сомни боярышник, спугни с гнездовья иволгу,
И эхом неотвязчивым тебя погонит страх.
То держат дети Торума мир в строгом равновесии,
В согласии и ладности печаль сменяя радостью,
Сквозь льды зовя подснежники, за облаками – радугою.
От них-то мир наш – мельница в круженьи обновления,
Где смерть ростком становится, и родничками тлен.
Земля ж моя безмерная, сто дней плыви – не кончится,
Сто дней на лыжах бегая, ей не найдёшь окраины.
Там бродят лоси гордые в рогах превыше ельника,
На плёсах речек плещутся тьмы уток с гагарами,

Жар-клюква на болотинах что яхонты горит.
По-вдоль собольих стрелочек, вокруг лабазов беличьих
Мелькают сойки яркие и филины глазастые,
А в водах тёмно-стуженных спят мамонты зубатые,
А в дуплах мишьи-карлики поют о вещем времени,
Когда на небе звёздами народ твой русский плыл.

В те времена счастливые земля была беззлобною,
И лето бесконечное, и ночь четырёхлунная.
Летали люди-вороны, и выдры-девы плавали.
Тогда все были братьями, и волки вместе с лосями
Вели беседы общие на праздниках Мис-нэ.

Предивный белый русский князь... Нёйи руть-кан...
Те песни мишьи древние... Эрмак руть-кан...
Под гусли журавельные про твой народ меж звёздами,
Так мне, хантых-девчоночке, легли на душу огненно,
Что не по воле батюшки – сама к тебе пришла.
Крапивную рубашечку под малицу я спрятала,
Что вся расшита бисером и бляшками железными,
В собольем опушении, а пояс пёстровязаный,
Черки на мне тайменные, из гоностая шапочка,
На пальцах кольца тяжкие, а в косах береста.
Играю на тумране я. Взгляни же, огляди меня:
Среди подружек-девушек я самая красивая
И самая нарядная. И у отца любимица –
Бийкэ-царевна младшая – чем я тебе не равная,
Чем я тебе не милая?.. Молю, не прогоняй!

Предивный белый русский князь... Нёйи руть-кан...
Пускай родятся мальчики у нас долгоживущие,
Пускай родятся девочки у нас вечносчастливые,
Малютки зайки-солнышки, крупиночки бесценные...
Вот я стою невинная. Не откажи – возьми!
Возьми меня в замужество, священное, законное,
И твой чувал не выгорит, кат-дом не обезлюдится.
Под мехом куньим с ласками постель зима не выстудит,
Кынь-Лунком не источатся священные амбарчики,
Медвежьи игры-праздники от нас не отойдут.
Я буду как черёмуха – плодами вся осыпана,
Я запою лягушкою – все травы мне откликнутся...
Ты будешь тилаг-месяцем, твои сыночки – звёздами,
Ты встанешь нулью-радугой, а облаками – доченьки...
Возьми меня в замужество! Невинную – возьми!

Предивный русский князь Эрмак... я самая нарядная
Бийкэ-царевна младшая... чем я тебе не милая?
Пускай родятся мальчики, пускай родятся девочки,
Сыночки будут – звёздочки, а облака – дочурочки...
Эрмак руть-кан, руть-кан Эрмак...

Как ты бы их любил!..

ЧЕРКАС-ИВАН АЛЕКСАНДРОВ

«Государю благоверному Царю
и Великому князю всея Руси Ивану Васильевичу
бьют челом государевы холопы
атаманишка Ермак Васька Оленин со товарищи.
Милосердный государь Царь и Великий князь Иван Васильевич всея Руси,
кланяемся мы тебе возвращением под руку твою государеву
твоего царства и града Сибирского.
А ещё княжеств Пелымского и Обдорского и иных вогульских и остяцких же...»

Богоугодный Царь всея Руси, отец премудрый,
По милости своей услышь меня, не прогони.
Холоп твой, чудное познав, хоть и умишком скудный,
Поведаю про дальние владения твои.
Поведаю о виденных в сибирской украине
Безбожных племенах, что поклоняются зверью,
Камениям и омутам, да куклам. Что доньше
Приносят кровью жертвы и беснуются огню.
Спасителя Христа не ведая и Божью Матерь
Не почитая, однако же, породю не злы
И к миру расположены: в их чумах нашу братью
Без хитростей встречали, и провожали без хулы.

Во всём, что дети чистые, приемлют справедливость.
Их прижимать-обманывать ни в персть никак нельзя.
Ясак платить согласные. И с нами, Божья милость,
Едою с кровом искренне делились как друзья.
Коль не обидеть – Белого Царя любить готовы,
Покуда настрадалися Орды. То ж торговать
Предрасположены: товары – шкурки соболёвы,
Да лисьи, куничьи меха. Речная тоже ладь –
Стерлядка с белорыбицей. Народ не тороватый,
Как русьи встанут городки – купцам там будет рай.
Чудесна та Сибирь, мой Царь. По людям жидковатый,
Но въявь насущно вытенный, безнуждный щедрый край.

Иное – агаряне. Из Орды сейхи-сеиды
Кучумовы посеяны плевелами вокруг.
Они против Руси и возбуждают лжеобиды,
Как змеи – яд, брѣх брызгают да клевету плюют.
Заплёл Кучум, и раскидал далече паутину,
Несчастные князьцы-тарханы те мошкой в ней:
Детишек в аманаты-заложники, ровно скотину,
Отцов к покорности нудя, согнал в Искер злодей.
Встреч йясаулов разослал – бухарцев и ногаев
По всем улуса и юртам, к ярѣмным крепостцам

И селищам баскаками да беками поставив,
Сосал, что паучин, чернолюдинов без конца.

«...А ещё атаманишка Ермак Оленин со товарищи
шлёт в казну государеву ясаку за два года от долга сибирского прежнего
и полонянина Маметкулку-княжича, сородича сбегшего клятвопреступника,
изменщика и вора царишки Кучума».

Как правда для язычников, так агарянам – сила.
С молитвой Иисусовой, да саблей наголо
Мы шли на смерть за Ермаком, судьба же возносила
Руси хоругвь победную Архангела крылом.
Великий Царь! Не человекья похоть – Божья воля:
Вернулись блудные под православный омофор
К тебе народы и вожди из горького бездоля.
Прими в семью, отец благой, не ставь бузу в укор.
Самодержавный Царь всяя Руси! Победа в правде,
А правда – в милости. Повинных не отринь прихват –
Сие казачье каянье причти к земной расплате.
Прости, кто чем пред Богом и тобою виноват.

Богоугодный Царь Иван Васильевич всяя Руси!
Отец благой! Прими в семью! Прости.
Сие казачье каянье зачти –
мы шли на смерть с молитвой.
И Господь Иисус Христос,
Пресвятая Богородица
и святитель Николай
нас
не оставляли.

КУЧУМ ХАН ШЕЙБАНИД

Вогулы и ханты своих дочерей в Искер как ясак, в ряд с пушниной и рыбой
Везут и толкают в трясучке-жуде. И лгут друг на друга с кривою улыбкой...
Мне сладко смотреть, как катится пот, как головы прячут за ворот соболий.
Как руки дрожат, как трясётся живот раба уштыка предчувствием боли...

Я – ужас
и трепет,
кошмар и тоска
мужей Иртэша и Умара.
На мне и во мне
начертала судьба
заветы Ясы Чингис-хана.
На мне моя гордость
вселенских царей,
во мне моё бремя

священных кровей.
Я ужас торханов
и кара-халык,
я – тот, чьё лишь имя
кусает язык.
От плоти я плоть самого Шейбани,
я струйка монголов священной крови:
я – тот, кто продолжит
походы Ибака.
Сам – сын и родитель
смертельного страха,
Я – ужас и трепет...
Но мало, я – тот,
чей красный бунчук опять соберёт
Орду от Балкан до Байгала.

Взываю я к братьям, я кровным кричу: мне грезится свадьба волка и лани!
Аргыны, найманы! Канлы, кыпчаки! Лихие карлуки с жал-airaми...
Правители степи! Властители гор! – мы дети детей ата Чингисхана.
Собрав курултай в единение юрт, срастёмся мы в тело Орды-великана....

Кто – он,
посмевающий
встать мне вперекор?
В ком смелость, чтоб мне поперечить?
Того не спасёт
ни доспех, ни затвор,
о жизни его нет и речи.
На нём все заклатья
бессмертных племён –
Его схватит ярость
джаханнам-огнём.
Кто встал на дороге
Мангутов-отцов –
тот ляжет пред ними
жертвой-овцой.
Да будь он даже московский каган –
Горло сотрёт верблюжий аркан.
Я вырежу печень
и брошу собакам.
Я – сын и родитель
вселенского страха,
Я – ужас и трепет...
Но мало, я – тот,
чей красный бунчук за собой призовет
Орду Золотую из праха.

Послал я батыров на Вычуги Соль, чтоб крови Руси волчата вкусили.
За нами взнуздают ногаи коней, кыргызы, тептяри, тургаи с Есиля...
Восстанет Казань, Астра-хань оживёт... черкесы... и – до пределов Османов

Орда за ордой, за туменом тумен – весь мир соберёт бунчук Кучум-хана...

Откуда
он взялся? –
эрмак-отоман,
отнявший Искер мой подло?!
В сарае моём
На килиме моём
разлёгся кырджалий вольготно!
Где вы, йясаулы?
Огланы, вы где?
Вы бросили хана
В беде и стыде –
ваш хан убежал
от урус-казака!
Едва лишь укрылся
от копий врага.
От плоти я плоть – самого Шейбани!
Я – струйка монголов священной крови!
Как вдруг обездолен
и согнан с престола.
Я, сеявший ужас,
скитаюсь бездомно.
О, боль! О, стыдоба!
Когда я вернусь,
Предателям слушать собственный хруст!
И трусам не знать продолжения рода.

Где ж вы, мои братья, кому я кричал? Вы отвернулись и крова не дали.
Аргыны, найманы! Канлы, кыпчаки! Лихие карлуки с жал-airaми...
Предатели степи, отступники с гор! Песен не слышно, нет духа курилен –
Не слить воедино священную кровь.... Я виноват, потому что бессилён...

Я слепну
и глохну,
проклятая боль.
Истаяли прежние силы.
Так жёстко меня
унизил хворь,
в затылок дыханье могилы.
О, где моя гордость
вселенских царей?
О, где моё бремя
священных кровей?
Я должен вернуться,
и должен вернуть
сарай свой в Искере
и ханскую суть –
тот ужас и трепет, кошмар и тоску

бабаю, ребёнку, рабу иль врагу.
Я жаждал пришпорить
стезю боевую,
и смог бы связать всех
в орду Золотую.
Я смог бы... О, боль!
О, бессильная честь!
Я глухну! я слепну! – могильная хворь...
Но смерть не придёт, будет жизнь теперь – месть.

Отверженный степью, гонимый от гор, всюду и всеми хватаем за полы,
Изменники, трусы – я ханская кровь! Забыли, как вас расстилали монголы?
Напомнить, как вы трясогубо клялись жизнь пролежать под моею пятою?
Верну же ваш ужас! Я всем отплачу заветом Пророка – мезтью святою...

Я – сын и родитель вселенского страха...
Я – продолжатель походов Ибака...
Я – тот...
я...я...

* * *

...Господи Боже, мы малое стадо, бремя ж великое возложено....
«Ермак, я не слугу, но выуча-сборника прошу...»

...Тёзки-Иваны – Кольцо да Дурыня, Шунин с Грозою... к ним Галкин Лексей... Брязга
Богдан и Савватий... Да Мещеряк...
«...Как на Волге, на реке, да на Камышинке казаки, братцы, живут...»

...Родина... Радость... Родник. Сенокосы...
«Предивный белый князь Эрмак... Пускай родятся мальчики, пускай родятся девочки... Как
ты бы их любил!..»

...Тыщи-тьмы из полона вернул я народа, сиротин-христиан защитил от извода....
«Изменники, трусы – я ханская кровь! Забыли, как вас расстилали монголы?..»

...Матушка, милая, слышишь ли там?..
«Сыночек-Василёчек мой! Остался бы малюточкой... Убийцы скрытно тянутся, и речка
бурно крутится... Ты не спи, не спи, сынок!»

ЕРМАК-ВАСИЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ОЛЕНИН

Чаша Руси – деревянная птица,
Лебедем-гусем плывёт меж теней.
Громы и ропоты, хмарь и зарницы
Блазью мнутя над ней и под ней.
Да благодать над расщепами крыльев –
Парусом белым парит омофор

Девы Пречистой, и звёздною пылью
Сеется снег с Покрова на простор
Божьего мира под ангельский хор.

Господи Боже, помилуй нас грешных, коли за правое дело стоим,
Даруй соборностью, сладом утеши, не покидай нас дыханьем Своим:
«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое;
победы православному государю на сопротивных даруя,
и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

Други сердечные, братья-казаки!
Лето за летом, зима за зимой
Держим оплот, не скудея в отваге,
Держимся силою въявь не земной.
Други зарочные! Что совершили –
Всем воздаяния на небесах.
Самых достойных бойцов схоронили,
Их имена – уголья на устах.
Путь наш отмечен в зарубах-крестах.

Други-казаки! Нам брашно не горько,
Нет ни обид, ни занозной тоски –
Шли на Сибирь не по алые зорьки,
Не по кисель у молочной реки.
И не под рабство языки мы клоним,
Стоит ли жизнь соболей да бобров?
Капля за каплей стекает в ладони,
В братину общую общая кровь –
Чашу Руси наполняет любовь.

Верные други мои. Не задули,
Не разметали сложенье углей
Вихри сторукие в бурном разгуле,
Ветры упругие с мёрзлых полей.
Держимся, братья. Держимся, держим
Пламенный круг, за спиною спина.
Разве по силам кому русский стержень
Сбить, раскачать, будь он сам сатана?
Брань наша свята – се в духе война.

Держимся, держим... В натуг без подмоги.
Где ты, Москва? То морок, то туман.
Сбились полки с неторёной дороги?
Грозным Царём не прощён атаман?
Ночи длиннее, скуднее рассветы...
Что не сложилось? Где ты, Москва?!
Теми вопросов, ничтоже ответы.
Тени на лица, свинец в рукава.
Да пламеннее молитвы слова.

Господи Боже, помилуй нас грешных, коли за правое дело стоим,
Даруй соборностью, сладом утеши, не покидай нас дыханьем Своим:
«Спаси, Господи, люди Твоя...
...победы православным христианом на сопротивныя даруя...»

Что намечали, да что получили?
Славно – войну отвели от Руси!
Худо – Кучума в побег упустили,
Где-то, поганый, петляет-лисит.
Но не поднять ему больше туменов,
Скрошатся орды в осколки родов
В междоусобицах, в кознях, в изменах.
Лижет пусть падаль лишённый зубов –
Нет для него больше русских рабов.

Нет больше страха бесчестья и боли –
Мирным и робким заступа дана.
Будет отныне, по вере и воле,
Обетованная Богом страна
Равновозможна для промыслов чистых,
Для зачинаний, заделов, затей
Славных и добрых, воечных и быстрых –
Только усердствуй, ратай и радей.
Эта страна для широких людей.

Господи Боже, помилуй нас грешных, коли за правое дело стоим,
Даруй соборностью, сладом утеши, не покидай нас дыханьем Своим:
«...благослови достояние Твое...
Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

Чаша Руси – деревянная птица,
Лебедем-гусем плывёт на восход.
Солнце встречает её у границы
Тверди небес и превратности вод.
Воды земные и те, что над небом...
Там, на востоке – в шафране румян,
Пахнувший клевером, хмелем и хлебом,
Дышащий ладаном, перлами слан,
В неразделённости ждёт Океан.

Там, на востоке, Русь лебедем-гусем
Путь свой продолжит в кружении звёзд:
Крылья-расщепы узорным убрусом,
Справа воркует сестра-Алконост...
Выше, всё выше – где радость без края,
Где уже в боль ослепителен свет.
Строго безстрастны вратарники Рая...
Трона Христова алмазный стоцвет...
Там о себе Русь исполнит завет.

Свет... Вижу, Господи, Свет.

Словарь к поэме:

«Городу и Миру» – «Urbi et Orbi» обращение Епископа Рима к католикам

Aethiops non albescit – негр не побелеет (лат.)

Domin servorum – повелитель рабов (лат.)

Imperium Romanum – Римская империя (лат.)

Infernum tuleris – провались в ад (лат.)

Iumenta rex – царь скотов (лат.)

Magna Soldanus – Великий султанат (лат.)

Status – закон (лат.)

Абый – уважаемый (тюрк.)

Агаряне – мусульмане (слав.)

Азан – молитва (араб.)

Ал! – ну! (казах.)

Аргамак – скакун (тюрк.)

Ата – отец (тюрк.)

Аузак – Азовское море (тюрк.)

Бабай – старик (тюрк.)

Байгал – Байкал (монг.)

Баскак – сборщик налогов (тюрк.)

Батыр – богатырь (тюрк.)

Бек – военачальник (тюрк.)

Бийке – княжна (хант.)

Бийкема – княгиня (манси)

Блазь – марево (слав.)

Бунчук – жезл с гривой (монг.)

Вогулы – манси

Вытенный – полезный, доходный (слав.)

Выучень – ученик (старорусск.)

Галиб – храбрец (тюрк.)

Гамза – кожаный кошель (тюрк.)

Господин Судного дня – Аллах

Гребни – горы (слав.)

Джабраил – Гавриил (араб.)

Джана – душа (араб.)

Джаханнам – адское пламя (араб.)

Дошман – противник (тюрк.)

Дуа – молитва о здравии (араб.)

Дуние кезек – ни бело, ни черно (казах.)

Епанча – войлочный или кожаный панцирь (старорусск.)

Ерте – рано (казах.)

Жежёнка – молодая жена (старорусск.)

Женуче – победитель (тюрк.)

Жуда – дрожь (тюрк.)

Заман – эпоха, времена (казах.)

Ирий – Рай (слав.)

Ис пола эти, деспота – Многая лета, владыко! (греческ.)

Искер – (Сибирь) столица Сибирского Юрта

Йясаул – наместник (тюрк.)

Каган – царь (хазарск.)

Калыч – сабля (тюрк.)

Кан – князь (ханты-манси)
Кара-халык – чернолюдины (тюрк.)
Кафир – иноверец (турецк.)
Кейван – Сатурн (турецк.)
Кефе – Феодосия (турецк.)
Килим – ковёр (тюрк.)
Курултай – великий совет (монг.)
Лития – заупокойная служба (греч.)
Мангут – (Мангьт) династия эмиров Бухары
Мзда – прибыль (слав.)
Мис-нэ – богиня огня (хант.)
Миши, мишьи – волшебные карлики (хант.)
Мошна – богатство (слав.)
Намуслы – благородный (тюрк.)
Нёйи руть-кан – волшебный русский князь (хант.)
Омофор – покрывало (греч.)
Отоман – военный начальник (тюрк.)
Падашь-арат – нищий пастух (казах.)
Пельмцы – вогулы
Пехлеван – богатырь (персид.)
Руть – русский (хант.)
Сарай – дом, дворец (тюрк.)
Сатылу – перебежать, переметнуться (казах.)
Сердюк – пеший казак (старорусск.)
Скифетр – скипетр (старорусск.)
Славутница – кукла-невеста (слав.)
Сула – ледяная гуща (старорусск.)
Тайбугины – сибирско-татарский род, смещённый Кучумом
Тангат – Иртыш (хант.)
Тархан – князёк (тюрк.)
Тархан – повелитель (тюрк.)
Торум – верховный бог хантов
Тоткын лыкт буллу – попал в плен (тюрк.)
Тума – полукровка (тюрк.)
Тумен – отряд в 1000 воинов (тюрк.)
Тумран – гусли (хант.)
Ук – стрела (тюрк.)
Улан – всадник (тюрк.)
Умар – Обь (тюрк.)
Урус – русский (тюрк.)
Уштяк – хант (тюрк.)
Фрязи – венецианцы (старорусск.)
Шайтан – чёрт (тюрк.)
Шаш етектен – в изобилии (казах.)
Шишак – шлем (слав.)
Эры-сэры – туда-сюда (казах.)
Юрт – поселение (тюрк.)
Юрт Себер – Сибирский Юрт (ханство) (тюрк.)
Юсак бакшиш – невелика выгода (казах.)
Языки – народы (славянск.)
Яса – Собрание законов у монгол
Ясак – дань (тюрк.)